

ЛЕТЧИКИ-ИСТРЕБИТЕЛИ

Куницын Виктор Александрович

- Я родился в Московской области: Верейский район, деревня Златоустово. Отец у меня был портным, а мать домохозяйка. Там, в Златоустово, я жил до первого класса, а уже в 1930 году родители (сначала отец, а потом и мать) переехали в Москву, поэтому с 1930 года живу постоянно в Москве. В Москве я окончил 8 классов, и в то время был набор в аэроклуб. Я фактически за летние каникулы окончил аэроклуб. В аэроклубе уже учились, - но у них был недобор. Мне немножко лет не хватало, но потом все-таки меня пригласили через военкомат - я бросил 9-й класс и пошел в аэроклуб. Фактически, я только сентябрь не учился. Я окончил Дзержинский аэроклуб и в конце 1940 года был направлен в Чугуевское военно-авиационное училище.

- Очень многие из осеннего выпуска Дзержинского аэроклуба ушли в бомбардировочную авиацию.

- Там распределяли: могли попасть и в бомбардировочную, и в истребительную.

- Как Вы узнали, что началась война?

- Я уже был в училище в Чугуеве, когда объявили, что началась война. Школа начала готовиться к эвакуации, нас переправили в Казахстан. Немец-то быстро к Харькову подошел, а город Чугуев - рядом с Харьковом. Погрузили эшелоны, но школа в основном пошла пешком: на эшелоне только имущество и как охрана - сопровождающие курсанты. Нас привезли в Арысь, Чимкент, - в Казахстан. Там мы начали летать: учили нас на УТ-2, на По-2 я уже летал. Потом перешли на И-16 - сначала на тренировочном УТИ, а потом самостоятельный вылет на И-16. Потом к нам пришли "Яки" - Як-1.

- Говорят, что в это время бензина было мало?

- Мы не испытывали нехватку бензина. Полеты у нас были регулярные. Летали, конечно, только утром, с 4:00 до 7:00. Это было летом 1942 года. Летом там жара, самолеты не выдерживали. На "Яки" ставили дополнительный обдув и обливали водой. Температура где-то +30. Люди еще выдерживали, а самолеты - нет. Помню, кто-нибудь запустит мотор, а ты бежишь под хвост, чтобы тебя обдувало. Там такая занудная мелкая мошка, а когда под струю винта попадешь, все сдувает. Нормально мы там летали, перерывов в полетах у нас не было. Нас интенсивно готовили, чтобы отправить быстрее на фронт. В школе нам два раза дали пострелять по конусу и по щитам на земле. Там мы вели и воздушные бои. Программа была не особенно большой: так, чтобы ты мог взлететь и сесть, а потом уже в боевом полку доучивайся.

- Зимой 1941-1942 годов летали?

- Нет. Там зимы нет. В 1942 году летали, потому что там только ночью холодно зимой. Днем температура +25-30, а ночью - от 0 до +5. Вот такой перепад. А летом и ночью тоже +20-30.

Идешь в арык, намочишь, мокрой простыней накроешься: пока чуть-чуть заснул - она уже сухая.

- Нормально кормили?

- Да. И курсантами нормально кормили, а потом - там кругом бахча: пошли, нарвали арбузов, там их сколько хочешь. Если придет курсант, местные жители, пожалуйста, - хоть мешок дынь дадут, только донеси их до места. Условия были хорошие, нормальные. А тем более когда в строевую часть попали - там вообще отлично кормили.

- Этот приказ Тимошенко, как он воспринимался в училище?

- Нам уже пошили форму лейтенантов - а выпустили сержантами (меня - даже младшим сержантом). С командиром звена мы делали последний полет: маршрут с заменой ведущего в полете. И мы все трое заблудились: казахские степи широченные! Был туман, нас прижало к земле. Командир звена сел в поле, сел я и еще один курсант - все на "Яках". Туман рассеялся, командир говорит: "Я сейчас поднимусь повыше и посмотрю, где мы находимся. Если найду, сяду на аэродром, потом за вами прилечу". Он поднялся, смотрим: раз - и пошел. Связи не держали, потому что боялись разрядить аккумуляторы, чтобы потом запустить двигатель. В поле же никого нет. Час ждем, два, три - темнеет. Решили взлететь, подняться, посмотреть, где наш аэродром. Самостоятельно взлетели, парашюты в чашку положили, а то мы их разложили как посадочное "Т". Смотрим: вот он, наш Чимкент, километрах в 15 - и мы нормально приземлились. Нас за самостоятельной вылет с вынужденной посадки выпустили младшими сержантами: а всех остальных - сержантами. Конечно, мы нарушили устав производства полетов, но наступала темнота, а в степи одни шакалы и больше никого нет.

В 1942 году я окончил училище на "Яках" и сначала попал в учебно-тренировочный полк под Саратовом, в Аткарск. В учебном полку я пробыл всего месяц. А там, раз ты сержант, - давай, в наряд ходи, как и все рядовые солдаты.

- Какая обстановка была в учебном полку? Говорят, что приходили битые, горелые летчики, которые не хотели на фронт, такое было?

- Может, я не попал в такое время. Вся наша группа была из училища. Мы там долго не были. Туда 4-й полк прибыл на пополнение после Сталинграда. Полк был потрепан здорово, и меня - в 4-й полк. Набрали летчиков, дали самолеты и мы полетели. И с того времени, с марта 1943 года я был в 4-м полку, все время на фронте.

- Вы попали на фронт, и в первом вылете у вас получился таран.

- Не совсем первый вылет: может, третий-пятый вылет. Так получилось: мы стояли в Абинской, а она от линии фронта в 4 километрах. Крымская была у немцев, так что мы взлетать не могли даже на линию фронта, а взлетали в сторону Краснодар, там набирали высоту, а потом шли на линию фронта. Нас в основном вызывали для отражения налетов немецкой авиации. Только на станции колокол пробил - уже бежим в самолеты: сейчас обязательно будет ракета. Взлетели мы - и идёт большая группа "Юнкерсов", три по девять. Они идут по горам, по хребту. С этой стороны горы, а с этой - Кубань: наши идут по Кубани туда, а они по горам к нам сюда, бомбить. Это было начало 1943 года - в это время авиации там было очень много. Мы взлетели, и так получилось, что идет группа-девятка, и наша четверка. Таран получился на встречных курсах, это все скоротечно. Скорости не особенно большие, но где-то 400 есть у каждого. У бомбера, пускай, 300, но уже сумма - 700, километр проскакивает мгновенно. Я стрельнул - ничего не получается, и я чуть крен дал - и "Юнкерсу" крылом и мотором задел плоскость. У него плоскость отлетела, а у меня были деревянные лонжероны, и я ему попал прямо узлом шасси (шасси потом были примяты). "Юнкерс" рассыпался, а я потом на пузо посадил машину. Все это было фактически над аэродромом. Тысячах на двух я его стукнул, метров 800 мы падали вместе: я падал, и он падал

тоже. Потом я вывел машину. Рули слушаются, мотор, конечно, не работает, потому что винт погнут, редуктор полетел от удара. Но я нормально сел на пузо, и все. Не ударился, не побился.

- Это был сознательный выбор?

- Это все скоротечно, потому что отворачивать нельзя было: если отверну - пройду над их строем, и все стрелки сразу начнут вести огонь. Поэтому я шел на ведущего, а вниз уже не успевал отойти. Он шел прямо, я вот так наклонился, и узлом шасси ему попал.

- Понятно, что всё это скоротечно. Но когда уже ударили, какое было ощущение?

- Во-первых, когда я ударил, это было над 2-2,5 тысячах, а очнулся - на 800-1000 метрах. Немножечко потерял сознание. Все-таки был сильный удар. Представьте: скорость 300 и 400, и на 700 врезаться на металл. Наверное, я своим винтом "Юнкерсу" кабину порубил, а мой деревянный "Як" выдержал. Немецкий металл не выдержал, а русская древесина выдержала!

- В какое место попали: ближе к центроплану или по консоли все-таки?

- Ближе к фюзеляжу.

- А остальные три самолета?

- Проскочили. И бомберы проскочили - взяли выше. Я только в ведущего попал, мы сцепились и сразу вниз пошли... Меня командующий сразу наградил орденом Красного Знамени. Тогда за таран давали Героя, а мне дали орден Красного Знамени.

- Есть разные позиции по поводу тарана. Одна из них: если летчик не умеет стрелять, тогда он таранит. В 1941-1942

годах было много таранов, потом стало меньше. Как Вы считаете?

- Нет, не обязательно не умеет стрелять. Были тараны, когда немножко летчик не рассчитал дистанцию, а потом уже некуда деваться.

- В дальнейших боях не хотелось повторить то же?

- Нет, такого желания не возникало, потому что это палка о двух концах - или-или - неизвестно, кто рассыплется на кусочки. Да и таких моментов не возникало.

- Фактически, Вы попали в марте месяце на фронт, а в апреле уже начались интенсивные бои. У Вас было время войти?

- Практически не было. Нас выпустили 42 человека и к концу войны нас осталось только два летчика из нашего выпуска. Остальные все погибли. И погибли в основном в первые дни или если попал к ведущему не совсем опытному...

- Когда уже Вы вводили молодежь, была у вас возможность вводить постепенно?

- Тогда уже была. Взять 1944 год: у нас уже появились спарки, можно было проверить технику пилотирования, провести воздушный учебный бой. А так спарок у нас не было. Пришел - садись в боевой самолет и лети. Или спарка УТ-2, ну что это за спарка? Немножечко не то! Пытались тренировать скоростную посадку, взлет, а во всем остальном это не та машина. Потом уже появились боевые спарки. И молодежь мы постепенно вводили, их сразу в бой не пускали, как нас. Некоторые за месяц до конца войны пришли и так ни разу не слетали. А в 1943 году летчиков не было, большие потери понесли в 1942 году.

- Вы в какой эскадрилье были?

- В 3-й эскадрилье, со Шмелевым Ильей Васильевичем, Героем Советского Союза. После войны я стал у него заместителем, а потом принял эскадрилью, это было в 1945 году.

- Он пишет, что у Вас было прозвище Куня.

- Да. Тогда еще не было позывных. Глинки летали - их слышно было, они переговаривались: "ДБ, я ББ. Ты где?" Меня называли Куня. А потом уже начали придумывать позывные. Еще передатчиков не было, только приемники. У ведущего группы - приемник и передатчик, а у ведомых одни приемники были. А потом уже, в конце 1943 - в начале 1944 года на Брянском фронте начали устанавливать и приемник, и передатчик на каждую машину. Потом уже у каждого появился свой позывной, номер.

- Васин Александр Ефимович, он погиб?

- Да. Он был одноглазый, у него один глаз не видел. Он где-то открывал замок ножом, кончик отломился и попал ему в глаз. При этом у него было 9 сбитых самолетов. Он был начальником воздушной стрелковой службы полка. Но с одним глазом видимость, обзор не такой, и он погиб 15 мая 1944 года: они взлетали из аэродрома Чупрово. Подробностей его гибели я не знаю, мы потом оттуда перелетели.

- Насколько соответствует приводимая в книгах окраска "Яка" тому, что было в действительности? Действительно были такие желтые коки?

- У каждого полка был свой цвет кока. В дивизии три полка. У одного полка красный цвет кока, у другого желтый: в общем, разноцветные были, чтобы различить, с какого полка самолет. У нас были желтые коки.

- "Пилотка" - тоже желтая?

- Не помню.

- Дайте характеристику Степаненко. Как Вы к нему относились, что он был за человек?

- Очень хороший человек, такой своеобразный, педант, любитель порядка. Не любитель пьянства. Это редкость среди командиров эскадрильи. Не так, как Шмелев или Рязанов. Такой прижимистый хохол! Как командира эскадрильи его обожали.

- Рязанов?

- Огонь-мужик. Может и палкой ударить, если что не так. Даже своего заместителя, если в бою не так было, как он хотел. Очень смелый мужик. За всю войну ему один раз пробили палец на ноге. Да и то он говорил, что это зенитка. Ну, да мы все видали, что это истребитель зашел и маханул снизу очередь - и ему оторвало большой палец. Он прилетел с полным сапогом крови, посадил машину, но отнекивался. "Как это так, "мессера" сбить не мог?" Боевой мужик! Любитель выпить. Огонь-парень!

- Люди, которые любили выпить... бывало так, что они летали пьяными?

- Нет. Это в свободной обстановке только.

- Шмелев?

- Мой командир. Я у него много раз летал ведомым. Потом я стал у него же заместителем, а потом от него эскадрилью принял: он ушел командиром полка в другой полк. Потом я уже попал в дивизию, он пришел к нам заместителем командира дивизии. Но его хватанул инсульт, его списали. Потом еще раз инсульт - и он умер в 60 лет. Это был мой наставник.

- Сильный летчик?

- За всю войну его ни разу не сбили. Да и Степаненко тоже не сбивали. Остальных много раз стучали. Он всегда себе

хороших ведомых подбирал. Хороший человек!

- Говорят, что иногда летчик много сбивает, а за ведомыми не смотрит.

- Бывает, конечно. Ведомый должен за ним смотреть.

- Но ведущий тоже должен выводить ведомого. Если атака немецких истребителей, то в основном на ведомого идут. Он следил за этим?

- Да. Я с ним очень много летал. Наверное, вылетов 50-60 я с ним сделал в качестве ведомого. И меня в это время ни разу не сбивали, и его не сбивали.

- Лещенко?

- Он от нас ушел в 1944 году. Он был заместителем или у Степаненко или у Рязанова. Он получил Героя уже в другом полку.

- Ильченко?

- Он был в 3-й эскадрилье заместителем командира эскадрильи у Шмелева. Потом они полетели на разведку с Кобзарем. Погода была - низкая облачность. Разведку они произвели, возвращались домой, на малой высоте над аэродромом начали перестраиваться, вмазали друг в друга и упали на озеро Большой Иван, под Великими Луками. Вот так он погиб трагически, оба они погибли... Уже пришли на аэродром и при перестроении Кобзарь его задел. Это было в начале 1944 года. А так был хороший летчик - высокий, стройный. Я с ним провоевал только на Кубани, потом мы перелетели на Брянский фронт и он погиб.

- Начали Вы летать на Як-7?

- Як-1 на Кубани, потом Як-7 - их много было модификаций. После войны получили Як-3, когда были в Клину. Потом был

Як-9. Потяжелее самолет, горючего побольше, чем в Як-7, мотор помощней чуть-чуть.

- Какой из "Яков", на которых Вам приходилось воевать, Вам больше всего понравился?

- Як-1 ближе подходит к Як-3. Легкий, маневренный, скоростной самолет. Только запас горючего маленький, максимум 35 минут летаешь - уже должен быть ближе к аэродрому. Чтобы час продержаться, он не тянул. И Як-7 такой же был: он лучше, чем Як-1 и вооружение у него помощнее: уже были пулеметы, 20-мм пушка... Но самый мощный - это Як-9.

- Управление шагом винта самолета отвлекало от пилотирования?

- Нет, все же в одной ручке, шагом винта мало пользовались. Взлетаешь на минимальном шаге винта, а дальше набрал скорость, чуть прибавил шаг винта, скорость идет больше. Нет, это совершенно не отвлекало.

- В воздушном бою не пользовались изменением шага винта?

- Ручку вместе держишь. Если на малой высоте, конечно, там сразу шаг винта уменьшаешь. На большой высоте зачем уменьшать? Наоборот, скорость меньше у тебя будет. Это совершенно не отвлекало.

- Летали с закрытым "фонарем"?

- Только с закрытым.

- Качество радиосвязи?

- Плохое. Не так, как после войны, когда стали станции УКВ.

- На Як-9Т с 37-мм пушкой приходилось летать?

- Да. Использовали ее, как тормоза: оставляешь 3-4 снаряда и на посадке их расстреливаешь. Скорострельность у нее маленькая, до 10 выстрелов можно сосчитать: если чуть-чуть на посадке промазал - бах-бах - три снаряда выпустил, и самолет притормаживает. Но это хорошее оружие. Хотя пушка и стреляла через редуктор винта, но и два пулемета было, так что на Як-9 было хорошее вооружение.

- На таком самолете Вам приходилось сбивать самолёты противника?

- Нет, мы же их получили ближе к концу войны. В основном мы по земле стреляли, когда ходили "на охоту". Из этой пушки, как маханешь - так маханешь!

- "На охоту" часто ходили?

- Наш полк ходил часто "на охоту". У меня вылетов 10-15 всего было.

- Общее количество вылетов?

- 242. Полк воевал достаточно интенсивно - из нашей дивизии наш полк больше всех воевал. Он всегда стоял близко к линии фронта. Первый вызов - всегда из нашего полка.

- С теми летчиками, с которыми я разговаривал, те, кто пришел в 1943 году, у них под 150 вылетов обычно, не больше. У Вас - почти в два раза больше... По общему списку побед, у Вас больше чем достаточно на Героя Советского Союза.

- Вначале Героя давали за 10 сбитых, потом уже за 15 сбитых.

- У Вас 15 сбитых плюс 2 в группе.

- Да, но как-то не написали. Считали, что и так очень много орденов. Уже после войны было такое, что писали, но у нас получилась такая штука, что ехал я на мотоцикле со Шманом,

такой летчик у нас был. Он в молодости работал в цирке на мотоцикле, ездил по вертикальной стене. У него всегда был мотоцикл. Я сидел в люльке, сзади сидел еще один летчик. Навстречу выбегает один солдат из танкистов - он хотел, видимо, нас остановить, - и Шман не успел его объехать, затормозить, стукнул его люлькой, и тот отлетел в кювет, ударился головой и в госпитале умер. Этого Шмана - под суд, его решили демобилизовать. Но так как я там тоже сидел... В то время я был командиром эскадрильи, хотя он был из другой эскадрильи. И на этом все закончилось.

- Шман был одним из самых результативных летчиков полка?

- Он вообще атаман. Он был штурмовиком, летал на Ил-2. Последний раз, когда его сбили на штурмовике, он попал в Орловскую тюрьму. Оттуда он бежал, перешел линию фронта, но политработники все на него капали, чего-то от него добивались. И вот его Рязанов, командир эскадрильи, Дважды Герой, взял к себе ведомым. Немножко на спарке его повозил - и сделал его своим ведомым. Он потом до конца все время летал с Рязановым ведомым. Когда награждали, полк выстроили, вручает высший представитель из армии или дивизии, и ему вручили орден Отечественной Войны. Когда вручали, он говорит: "А этот орден отдайте замполиту!" Шум был! Рязанов все уладил и начал с ним летать. Так до конца войны с ним и летал. Шмана ни разу не сбили. А потом из-за истории с мотоциклом его демобилизовали.

- Усиков?

- Да, Гриша Усиков был в эскадрильи Рязанова. Мы вместе с ним пришли в полк. Нормальный летчик, летал хорошо. А уже после войны поехал домой в отпуск, и где-то в поезде у него решили украсть чемоданчик. Тогда же мародеров было много, только война закончилась, грабили. А у него с собой был пистолет, и он одного маханул. Его задержали и под суд - за то, что он не имел права из части вывезти оружие. А он был начальником воздушно-стрелковой службы полка, в его ведении было все это оружие. Он взял в отпуск с собой

пистолет! И за это дело его демобилизовали, потом он жил где-то на Украине.

- В полку было достаточно много летчиков, которые были в плену и вернулись.

- Шман был в плену. Нагорный в плену не был. Кушенков, Лыбкин - он пришел из плена и его сразу демобилизовали. Куликов не был в плену. Я был на территории, занятой немцами, в плену не был. Но "особняки"-то не знали, они тоже меня таскали поначалу. "Почему ты жив остался?".

- Как это было?

- Предыстория такая: я был командиром звена, повел группу "Илов" на штурмовку немецких войск. Это в Прибалтике было дело. И мы встретили две подлетающие к линии фронта девятки: одна девятка "фоккеров", вторая - "мессеров". "Фоккера" делают переворот. Мы четверкой чуть выше, проскакивают между нами, они заходят снизу - удар по этим "Илам". Все четыре "Ила" горят: задымились и пошли на посадку, приземлились на нашей территории. Мы там сбили два "мессера", которые были выше нас. Я как ведущий должен прилететь и сесть на аэродром к "Илам", доложить, как отработали "Илы". Мои три самолета пошли на наш аэродром, а я - на аэродром "Илов". Я сел туда и все доложил. Эти четыре "Ила", они потом вернулись, все живы и здоровы. Но меня как ведущего временно отстранили от полетов. Тогда был приказ: за сохранность "Илов" отвечает ведущий истребитель. И вот после этого одну пару послали на разведку, вторую - они не вернулись. Бегут ко мне: "Куницын, вызывают на КП". У меня на рубашке были ордена, я готовился к ужину, танцам. Я в чем был, в том и пошел. "На самолет. Кошевой - ведомый!" - был у нас такой летчик.

Полетели мы с Кошевым на разведку. Сделали разведку - я уже по радио доложил - и решил не везти боеприпасы: внизу шла небольшая колонна немецких машин. Зашел, штурманул, отстрелялся, только стал выводить, и в это время очередь по

мне - раз! А в то время передатчика у моего ведомого не было, у него только один приемник был. У меня загорелся самолет. Я открываю "фонарь", а он не открывается: ручка управления была перебита, болталась. В это время по мне дали вторую очередь. "Фонарь" сбивает, самолет взрывается, а у меня уже был отстегнут парашют, и меня выбросило. Меня выкинуло из кабины, и я сразу дернул кольцо парашюта. Только парашют раскрылся, только наполнился - и сразу приземление.

Приземлился я в расположении немецкой воинской части, на опушке леса. Я сразу в лес - и там какая-то копна сена. Я лег в копну сена. Нога и спина у меня были все побиты осколками бронеспинки и бронестекла: бронеспинка разорвалась от удара, и весь плексиглас полетел мне в спину. Вся спина была обожжена. Короче говоря, немцы сразу пошли искать с собаками на привязи. Я лежу в небольшом стогу сена, там три березочки. Им никак не подойти к моему стогу сена, потому что стоят три березы, они их обходят, собаки рвутся. Пистолет у меня есть, с двумя обоймами. Я думаю: "Стрелять? Одного, ну, может, второго убью, а третий, что подальше идет, все равно меня застрелит". Я полежал, гляжу: они пошли дальше. Я тоже пошел в лес подальше, а утром уже смотрю: наши "Илы" бьют по тому месту, где я нахожусь. Значит, это передовая. За ночь, видимо, наши войска прошли вперед. Я переспал ночь в лесу, а утром пошел. Прошел минут 20, слышу: "Стой, кто идет?" Вижу, что это свои. Меня подобрала телега - и в медсанбат. Обработали ранки. Меня нашпиговало в мягкие ткани. Оттуда меня перевезли. Там я побыл всего одну или две ночи. Сообщили, где я нахожусь, за мной прилетел По-2, и меня отвезли в полк. Я немного в части полежал, а через неделю начал снова летать.

- Особисты Вас, тем не менее, таскали?

- Да. "Почему у тебя документы с тобой, почему их не спрятал?" Я в лесу ордена все перецепил на рубашку, чтобы на гимнастерке их не было. А документы хотел спрятать, а потом передумал. Неделю, наверное, меня таскали по ночам. Летать пока мне не давали.

- Отношение в полку к летчикам, которые были в плену?

- Хорошее отношение.

- А у начальства?

- Не знаю, я был далек от начальства. Кто был в плену - их потом всех уволили. Но меня это не коснулось: я был на чужой территории, но не был в плену - не доказали они, что я был в плену. Был только на чужой территории. Я там всего одну ночь и день был, потому что наши войска уже пошли и заняли этот плацдарм.

- В 1945 году ваш полк летал на Либаву. По воспоминаниям всех, вылеты были очень тяжелые, с большими потерями.

- Наш полк не понес больших потерь. Их понес 148-й полк, который был в составе нашей дивизии.

- На уничтожение транспортных самолетов, улетающих из освобожденной Либавы 8-10 мая 1945 года, и на поиск судов летали?

- Нет. Я не летал.

- В полку был такой случай: в конце ноября 1944 года, во время экскурсии по освобожденной Риге пропал летчик Молодцов.

- Да. Так и неизвестно, куда он делся... Как-то поехали на экскурсию, и Усиков тоже там одного стукнул. Они зашли, а там латыши: они на них с оружием, а Усиков из-за угла - бах одного! Все разбежались, никого не осталось. А Молодцов не знаю, куда пропал. При переходе паромного моста могли его стукнуть и бросить в реку. Обстановка там была тяжелая. И латыши, и потом много разной швали было там.

- Командир полка у вас был Миронов Николай Иванович, а потом Марков Александр Маркович, да? Как они как

командиры?

- Миронов фактически не летал. Он как в Монголии отвоевал, больше на боевые вылеты ни разу не вылетал. Но он был очень хороший организатор. Может быть, командиру полка не обязательно все время было летать, но он был очень хороший организатор. Потом его ранило при налете авиации (это был сентябрь-октябрь 1944 года). Ему распорол брюшину, его с распоротой брюшиной увезли в медсанбат, в госпиталь, и потом быстро пришел Марков и его заменил на какое-то время. Под конец Маркова куда-то перевели от нас и Миронов к нам вернулся. Он пришел, и война кончилась.

- Марков летал?

- Да, еще Кошевой у него был ведомым. Написано, что Кошевой спас Маркова, себя поставил под огонь "шмита". С Марковым я ни разу не летал. Он был моложе Миронова, стреляный уже, Герой.

- Какое к ним было отношение среди летного состава?

- Они были слишком далеко от нас. Одна эскадрилья здесь живет, вторая в другой землянке - мы только между собой общались. Командир эскадрильи идет в штаб - получил задание - пошли по самолетам. Рядовые летчики были далеки от начальства.

- Начальство часто летало?

- Нет. Летал только командир эскадрильи. Остальные меньше.

- Политработник был летающий?

- Нет.

- Как с ним строились взаимоотношения?

- Неважно. После войны у нас был замполит Егорычев, это очень хороший. А в войну на Кубани был замполит Ершов. С ним был интересный случай. Он со штурманом полка Молчановым на По-2 перелетал куда-то с одного места на другое, сейчас не помню куда. Или с аэродрома на аэродром, или из штаба на аэродром. И этот Молчанов заблудился на По-2 и сел где-то там. Сел, его подломало. У него был замполит Ершов. И он его пристрелил.

- Ершова?

- Да. Он рассказал, что его сбил "мессер", самолет упал, и при посадке Ершов погиб. Но потом, когда из СМЕРШа докапывались, оказалось, что у Ершова не пулеметное ранение, а из пистолета ТТ. Молчанов почувствовал, что до него докопаются, и вот в 1943 году где-то в конце мая, еще на Кубани, в один из вылетов на разведку он берет с собой ведомым Лыткина. Они вдвоем взлетают, идут и не возвращаются. Ни тот, ни другой не возвращается: ни Молчанов, ведущий (он был штурманом полка), ни этот летчик, сержант Лыткин из нашей эскадрильи (тогда мы еще летали сержантами). Вдруг этот "Як", на котором летал Молчанов, появляется над нашим аэродромом на Кубани. Раз появился, два. И потом Шмелев этого "Яка" сбивает! Оказывается, на "Яке" летал немецкий летчик. Значит, Молчанов перелетел, а перед этим он заходит и сбивает Лыткина! Это потом мы узнали, когда Лыткин после войны возвратился в полк (мы стояли тогда в Либаве), и начал нам все это рассказывать. Молчанов сбивает Лыткина и садится в Курляндии на немецкий аэродром, таким образом, он дезертировал. Вернувшегося в полк Лыткина потом уволили из армии, а Молчанов остался у немцев. Может, они его убили, потому что они тоже особенно предателей не держали.

- За что он убил Ершова неизвестно?

- Он испугался. Заблудился, видимо, стал садиться, поломал самолет - и сымитировал, что его сбили "мессера". Но

разобрались, что там другое ранение, не самолетный пулемет, а стреляли из ТТ.

- Потом у вас был замполитом Егорычев?

- Да. Это был очень хороший замполит. Потом он ушел начальником политотдела дивизии в Тирасполь.

- Какие у Вас были взаимоотношения с Вашим техником?

- Когда я пришел, у меня был техник самолета старший лейтенант Разин. А я был сержант. Но нормальные были отношения. Конечно, он был меня старше не меньше чем на 10 лет. Потом он трагически погиб. Я полетел в Москву, в Люберцы, за самолетом. Взлетели мы на боевом самолете, на "Яке", но за спинку я посадил с собой летчика Кошевого. Мы летели за спаркой, за двухместным. А в это время произошла бомбежка - немцы нанесли удар по нашему аэродрому под Великими Луками. Всем была дана команда выкопать траншею, чтобы была у каждого самолета, потому что разведка доложила, что немцы готовятся нанести удар по нашему аэродрому. Наши вначале нанесли удар по немецкому аэродрому, и, видимо, дошли сведения, что немцы готовятся нанести ответный удар. В основном они били "иловскую" стоянку, но досталось немного и истребительной стоянке. Сюда попала бомба, а Разин в это время был около каптерки, и моего техника убило.

- Кто потом стал?

- Не помню. Потом стали механики самолетов: офицеров уже не стало, приходили сержанты. Механик, моторист, оружейник, - вот экипаж. Потом снова пошли офицеры-техники. Отношения с техниками были хорошие. Ты от него зависишь, он же тебе готовит самолет.

- Дружили в эскадрилье или между эскадрильями?

- Больше дружили внутри эскадрильи, вся жизнь там. Летаешь, потом приходишь в землянку, потом идешь на ужин своей эскадрильей. Когда жили в домах, в зданиях, у латышей, нормальная дружба в полку была.

- Приписки в боевых счетах были или нет?

- Если ты сбил самолет, во-первых, должны подтвердить летчики группы, это раз. Адъютант эскадрильи выезжает на место падения самолета. Приходит к наземным командиру, спрашивает: "Видели, что упал самолет?" - "Видел" - "Напишите, что видели". Только так!

- Не было такого, что заявить, допустим?..

- Не было.

- Была такая практика: "давай, тебе припишем до Героя, а потом - другому"?

- Нет, у нас такого не было. Бугарчеву тогда не хватило одного самолета, надо было "раму" записать на него, тогда он мог получить Героя. Он был такой скромный. В нашем полку такого не было!

- Почему? Потому что коллектив был такой, или просто считалось, что...

- У нас все командиры эскадрилий получили Героя, и на этом всё - больше никто не получил. У нас Герои - Рязанов, Степаненко и Шмелев, больше никого. Миронов так говорил: "Пока мне Героя не дадут, никто больше не получит". В других полках по 12-15 человек, у нас только трое, больше никто не получил.

- Это как-то после войны обсуждалось?

- Особенно не обсуждалось.

- Вам приходилось встречаться и с немецкими бомбардировщиками, и с истребителями. Какой самолет тяжелее, сложнее всего сбить?

- Конечно, сложнее сбить бомбера. Потому что бомбер идет не один, а в группе. Их прикрывают истребители, и у них своего огня достаточно много. К тому же, если начинаешь идти на бомбера, обязательно схватываешься с истребителем. Поэтому не удастся сбить бомбера. Истребителя сбить большой сложности не представляет - и ему тебя так же сбить легко. Если ты попал в выгодную ситуацию, у тебя чуть побольше скорости, чуть больше высоты, у тебя есть резерв, то ты можешь маневрировать и быстрее нанести удар.

- "Мессер" или "фоккер" - кого из них сложнее?

- "Фоккер" - он более скоростной: если вдруг пойдешь ты на пикирование, он от тебя быстро уйдет. А "мессер" и "Як" - это, примерно, два совершенно одинаковых самолета. Фактически самолеты по своим характеристикам почти одинаковые.

- Разницы, что у нас потяжелей самолет, что отстает, не чувствовали?

- Нет. После войны мы летали на "Лавочкине" - у "Лавочкина", как у "фоккера", обзор плохой, - а на "Яке" обзор очень хороший, и на "мессере" тоже очень хороший.

- И назад хороший обзор?

- Здесь бронестекло стоит, этими ремнями никогда не привязывались, привязывались только поясными, чтобы можно было постоянно вращаться.

- Вы видели, как немецкий горящий самолет падал до земли?

- Нет, не видел.

- Если говорить о том, когда Вы сбивали: насколько часто удавалось сбивать с первой атаки, и насколько - в свалке? Когда чаще?

- Чаще с первой атаки. И меня так сбивали. В свалке можно сбить, можно не сбить, здесь уже труднее. Когда шел на разведке, пострелял по наземным целям, по машинам, и так в первой атаке меня и кокнули.

- Это все-таки был истребитель?

- Да.

- Видимо, Вы его просто прозевали?

- Я его не видел!

- А ведомый?

- Он не мог передать, передатчика не было. Тот стукнул и сразу ушел.

- Еще можете рассказать о каком-то воздушном бое? Когда сбили с первой атаки.

- С первой атаки один раз я сбил "мессера", который пошел на "Илов", и так как он начал проскакивать между их группой и нашим звеном, мне ничего не оставалось, как дать за ним. Тот увлекся: "надо бить по "Илам", - а я в это время и маханул по нему. Он загорелся и пошел в сторону. Видимо, и по "Илу" он не попал. Он просто прозевал!

- Немецкая атака на "Илы", они как старались: сверху-сзади?

- Больше снизу-сзади. Проскакивали снизу и подныривали под него, потому что сверху стрелок, а снизу нет ни фига.

- Бывало такое, что они подкрадывались к "Илам"?

- Нет. Подкрадываться мы им не дадим, мы же висим тут, рядом. Им нужно проскочить - и сразу ударить.

- Немцы будут повторять скоростную атаку?

- Они один раз бьют и уходят. Потому что знают, что сейчас сцепимся. Если первая атака не прошла - они уходят.

- Пришли "Илы" атаковать цель - вы где в это время?

- Выше. Они иной раз по два-три захода делают на цель. А ты стоишь выше, чтобы видно было.

- Немцы полезут атаковать "Илы", если они на кругу?

- Нет. В основном больше атакуют при подходе к цели, потому что когда "Илы" на кругу, зенитки здорово лупят, и "мессера" тоже боятся, чтобы не попасть под свой огонь. А когда штурмовики отработали - тут они их ловят.

- Они, обычно, отработали и пошли на бреющем?

- Не совсем. Идут со снижением, чтобы скорость побольше была, потому что на кругу скорость 350 максимум, а так, наверное, 300.

- Вы их до аэродрома сопровождаете?

- До аэродрома. Ведущий истребитель садится на их аэродром и докладывает о результатах их работы, и всех ли ты привел.

- Какие были взаимоотношения со штурмовиками?

- Не особенно хорошие.

- Морду вам не били?

- Особенно когда вместе стояли на одном аэродроме, бывали случаи.

- К кому больше претензий?

- Конечно, штурмовики к нам больше предъявляли претензий. Обычно истребители и штурмовики стояли на разных аэродромах. Вместе редко, раза два совпадало. И то у нас стоянка здесь, а у них там.

- Не страшно было садиться к ним на аэродром?

- Нет.

- Еще побьют!

- Конечно, могут. Но не страшно, ты идешь на командный пункт.

- Вы говорили, что у Вас был такой эпизод, что Вы потеряли штурмовиков. Вы достаточно много сопровождали штурмовиков. Как строилось прикрытие, сопровождение штурмовиков?

- Вначале как обычно. Штурмовики выходят на наш аэродром, мы поднимаемся: если идет эскадрилья штурмовиков, значит, сопровождает звено истребителей. Когда большая группа - то уже эскадрилья истребителей. Мы идем выше метров на 200-300-500. Идем группой. У них скорость поменьше, чем наша. Нам приходится чуть-чуть маневрировать то влево, то вправо, чтобы держать скорость. Они идут максимум на 300-320, а нам надо иметь скорость 400-450. Потом, по-моему, Покрышкин придумал не сопровождать штурмовиков, а приходить в зону боевых действий штурмовиков: здесь линия фронта, здесь цель. Штурмовики идут отсюда на цель, а истребители уже над этой целью барражируют. Первый ярус - полторы, две тысячи. Второй ярус - две, три тысячи метров. Первый ярус может еще быть и от тысячи до тысячи пятисот: в зависимости от того, на какой высоте идут штурмовики. Мы уже приходим туда, в район цели, и начинаем там барражировать, - а штурмовики идут самостоятельно. Раньше мы потерь от зениток не имели, а теперь весь первый огонь

зениток обрушивается на истребителей, на тех, кто находится на нижнем, первом, ярусе, - на высоте 1000-1500. И начали истребители нести потери. Потом мы полетали, полетали, и нам это все отменили. Немцы разгадали тактику: теперь они встречали штурмовиков на нашей территории, а они тут без прикрытия идут.

- Мне говорили: идет группа штурмовиков - пара сверху, пара справа, пара слева. Или вы держались выше и группой?

- В основном старались держаться звеном. А если два звена, то одно звено с одной стороны, а другое с другой. Самое мощная единица у истребителей - это звено. Пара может отойти, а пара может висеть, ждать.

- За эту потерю штурмовиков тогда не наказали?

- Нашей вины там не было. Все произошло на нашей территории. Они снизу мгновенно проскочили, мы завязали бой с той группой, которая их прикрывала. А с этим не успели. Не наказали меня. А так вообще по приказу должны наказывать, могли перевести в стрелки на 2-3 вылета.

- Бывало такое, что переводили?

- Да.

- Кого из вашего полка?

- Зябрев несколько вылетов сделал стрелком: нормально, жив остался.

- Это считалось серьезным наказанием?

- Да.

- Боялись?

- Конечно.

- Какие-то боевые эпизоды, связанные со сбитыми немецкими самолетами, можете рассказать?

- Полетели над Кубанью, объявилась "рама", "Фокке-Вульф-189", разведчик. Полетели Бугарчев (штурман полка), я у него ведомый. Прилетаем туда вдвоем. Идет "рама" под прикрытием двух "мессеров" над Кубанью. Что делать? Мы сразу на "раму". Он бьет, нормально, но она пока не горит. И я бью, я следом иду. Бью - бах, загорелся. Не знаю от кого, или от Бугарчева или от меня, потому что вначале он стрельнул, потом я стрельнул. "Рама" пошла ко дну - и на нас пара "мессеров" сверху. А когда я бил по "раме" и проходил над ним, у меня скорость больше была: и её стрелок, видимо, маханул по мне, и пробил водяную систему. У меня мотор запарил, и я пошел на посадку. Это было в 10 километрах от нашего аэродрома. Самолет парит, но управляется. Я пошел на посадку, выпустил шасси, а в это время один "мессер" откалывается - и за мной. А я уже шасси выпустил! А Бугарчев тоже заходит на посадку - и он еще как по мне маханет! Мне уже выравнивать, а он еще сверху как по мне маханул - в кабине взрыв пара. Мне до земли осталось метра полтора. Надо приземляться, а пар в кабине как дал! Я не сел, а плюхнулся, самолет сам упал. Начал кувыркаться, меня отнесло с полосы, полоса была грунтовая. Когда я начал капотировать, у меня оторвалась бронеспинка, и меня этой бронеспинкой прижало под приборную доску. Все удары приняла на себя бронеспинка. Когда я прекратил вращаться - оказалось, лежу на животе. Я сам даже выбрался из кабины, спинку отодвинул и вышел. Потом только ко мне подъехали. А "раму" мы сбили! Фрицам досталось: их за "рамы" очень сильно наказывали, больше, чем нас за "Илов". Этот разведчик назывался "Старшина фронта".

- Это была групповая победа?

- Да.

- Вас, фактически, сбили один раз?

- Ну, этот случай тоже можно считать, что меня сбили. Мы маханули "раму", а они - меня, и фактически над аэродромом добились. А так меня сбили под Ригой. Один самолет я потерял. Второй раз - это случай с "рамой", и тот самолет тоже списали. Потом над линией фронта Р-7 отказал: шаг винта отказал, и винт перешел на малый шаг, а на малом шаге тяги нет, и я пошел на посадку и сел в лес. Скорость, видно, большая была, я не успел приземлиться и махнул в середину леса. Деревья мне пообломали крылья, и я, как торпеда, протаранил весь этот лес, на пузе подполз к дому, осталось метров 20. Так что я потерял три самолета.

- А когда таранили?

- Тогда я сел на пузо. Самолет восстанавливать не стали: лонжерон дал трещину. Там узел шасси, идет лонжерон крыла. Так что да, получается, что я потерял 4 самолета. Но в воздушном бою меня фактически сбили один раз, и второй раз случай с "рамой".

- Отказы техники бывали?

- Когда пришлось садиться в лес. А так очень мало было отказов. У некоторых забарахлил мотор - раз, возвращаются: или мотор забарахлил, или мандраж...

- Кормили хорошо?

- Да, кормили хорошо.

- 100 грамм давали?

- Вначале каждый день давали 100 грамм всем. А потом, с 1944 года, стали давать 100 грамм только тем, кто летал на боевое задание. В России давали водку, на Кубани давали вино. Летали в Краснодар на боевом самолете: флягу наливают, дают по стакану вина. Вместо 100 грамм водки, давали 200 грамм вина, но только после боевого вылета. А если не летал, ничего не положено.

- Добавляли?

- А где добавишь? Только когда стояли в Латвии, к латышу придешь, самогончик можно взять, пиво они варили. Там всегда привозили с избытком. Смотришь: два или три человека не вернулись с задания... Закончился летный день, командиры эскадрилий докладывают, и потом на ужин 100 грамм.

- Обед ели или только ужинали?

- Утром завтракали в столовой, второй завтрак на аэродром привозили, а обедали в столовой. Если возможность была, и ужинали в столовой.

- Утром всегда был аппетит?

- Всегда. Молодые же были, по 19-20 лет.

- Допустим, на Кубани много вылетов было, поносами не мучились?

- Нет.

- У Вас, видимо, железная нервная система! У штурмовиков, с кем я разговаривал, говорят: когда задание получают - мандраж". У Вас такое нервное чувство возникало и когда?

- Когда в Абинской мы дежурили, или около самолетов дежуришь. Звено дежурит около самолетов. Бах, команда "по самолетам!" Вот сядешь в самолет и ждешь, и в это время идет мандраж, коленки трясутся. Как дали ракету - запуск двигателей - всё. Как двигатель запустили, мандраж куда-то пропадает. Потому что надо решать другие вопросы.

- Чувство страха не возникало?

- Бывало, конечно. Лично у меня чувство страха возникало, пока ты сидишь в кабине, не запуская мотор, двигатель. Как

только запустил двигатель - все прошло. Тут пошло уже борьба за выживание, страха тут нет.

- Как относились к потерям?

- В основном потери мы несли на Кубани. Наш полк за 3 дня потерял 12 или 15 летчиков. А 148-й полк потерял за три дня больше, чем половину полка. Это была неприятная вещь, конечно. А потом, после Кубани, мы таких потерь не несли. Один в неделю или в месяц. А на Кубани конец апреля, май - самые сложные бои, когда были армады самолетов. Здесь, конечно, неприятно. Утром завтракаем - нас 10 человек, а ужинаем - 8 человек. Некоторые потом возвращались.

- Психологически это действовало?

- Нет. Может быть, из-за молодости. Относились к этому естественно, как к войне: должны быть потери. Были такие, которые дрейфили. Зябрев, который был у Степаненко в эскадрилье: как бой - у него то мотор забарахлит, то еще что-то. Раз так получилось, второй, и потом его отправили стрелком на Ил-2 на 10 вылетов. Сделал 10 вылетов, снова пришел в полк. Мотор стал нормально работать, не барахлит. Это лечилось. У него старший брат был полковник, работал в малой авиации, на По-2. Он, видно, и натаскал его, как остаться живым: говори "мотор барахлит". Когда полетал 10 вылетов на "Иле", стало все хорошо работать!

- В таких случаях бывало, что морду били?

- Нет. Рязанов по пьянке заместителя палкой побил. А так в нашем полку этого не было.

- Разбор полетов командир эскадрильи всегда проводил?

- Всегда. И полковые. В основном, больше полковые разборы.

- Наведение с земли нормально было поставлено?

- Вообще, да. Особенно когда летали на разведку и "на охоту", приходишь, докладываешь на командный пункт, они подсказывали, что оттуда-то идет. Это только когда ходили "на охоту" и на разведку. Приходишь в район цели, перед линией фронта есть командный пункт - связываешься с ним и прямо сразу докладываешь.

- Фотокинопулеметы стояли?

- Уже в конце 1944 года стояли.

- Подтверждение фотокинопулемета было достаточным?

- Нет. Во-первых, не было хорошо налажено проявление пленок. Если у разведчиков и фотоаппараты стояли, и фотокинопулеметы - тут было более-менее нормально все. А так поставят фотокинопулеметы, а что делать с ними - непонятно. После войны это было хорошо налажено: сразу все проявили, расшифровали. А так их поставили, а специалистов по шифрованию и обработке пленок не было. Пока их обрабатывают, все уже забыли, что бой-то был. В войну они не прижились, не успели все это организовать как следует.

- На патрулирование линии фронта часто летали?

- Да, летали. В основном на Кубани наш полк летал на прикрытие войск или патрулирование, когда ввели новую систему прикрытия штурмовиков, патрулирование в районе цели. А так, чтобы патрулировать над нашей территорией, так наш полк не летал. Летали только "на охоту": или за самолетами, или за машинами, или паровоз, что попадет.

- Сколько боевых вылетов делали в день?

- Лично я - максимум три. А так один-два.

- Тяжело физически, морально?

- Не хватало времени. Физически и выдержал бы, но надо же и самолет подготовить. Больше трех вылетов в день не делал, в основном два.

А.Д.: - Суеверия были?

- Чтобы никто перед вылетом, особенно из девушек не подходил к самолету! У нас была такая Чанчикова: как подойдет к самолету, - обязательно летчик не вернется с боевого задания. Они и не подходили. Девушек в полку было много, человек 20. В основном все оружейницы.

- Не бриться?

- Такого не помню. Мы и брились не особенно часто.

- Зубы чистили?

- Нет. Этого ничего не было. Водой и пальцем.

- Туалетная бумага была?

- Нет! Даже не знали, что такая есть. Газеты были.

- Насчет женщин в полку: насколько я понял, Вы женились во время войны?

- Нет, после войны. Когда война закончилась, мы организовали свадьбу с Ниной Ивановной и живем 60 с лишним лет.

- Она была Ваша оружейница?

- Нет.

- Какое было отношение к женщинам в полку?

- Хорошее отношение. Не к женщинам, а к девушкам: им было по 18-19 лет.

- Чем занимались в свободное время?

- Вечером бывали танцы почти каждый вечер, особенно в зимний период. Полеты заканчивали рано, в 5 часов уже темнеет, чем-то надо заниматься. Играли в хоккей: без коньков, конечно - командир привез клюшки, где-то достал.

- В карты играли?

- Нет. После войны уже начали играть в преферанс. А в войну не играли: карт, во-первых, не было. В шахматы тоже не играли. Играли в домино.

- Домой письма писали?

- Да, и денежный аттестат посылали. У меня оставалась мать и младший брат. Отец был на фронте.

- Личное оружие у Вас было?

- ТТ.

- Практиковались?

- Всегда стрельбы были. Как нет полетов, так учебные стрельбы из ТТ; и так стреляли. Патронов всегда хватало.

- В чем летали? Я имею в виду одежду.

- В брюках - они ватные, теплые, и унты зимой. А летом в сапогах. Кожаная курточка на меху.

- Мода какая-нибудь?

- Была мода делать такие галифе, тут ушивали, а тут были такие широкие.

- Сапоги гармошкой делали?

- Сапоги не шили, нам уже готовые давали, сами гармошкой делали.

- Усы или бакенбарды носить?

- У нас один Шмелев носил усы и бороду, его и звали Батя.

- Еще какие-нибудь клички помните?

- Степаненко звали Баядера: он всегда любил петь песни. Взлетает - и затянет хохлятскую песню.

- Документы, ордена с собой брали?

- Документы брали с собой, а ордена нет. Тогда-то я на танцы собрался, когда меня сбили. Тогда еще орденов много не было, под конец уже набрали.

- Пары постоянные были?

- В основном постоянные. Я летал со Шмелевым. Потом у меня был другой ведомый, я забыл его фамилию. В основном держались парой, пары не меняли. Только тогда, когда ведущий шел на повышение. С командира звена - на заместителя комэска или комэска.

- Баня всегда была?

- Да, это не проблема.

- Как строились взаимоотношения с батальоном аэродромного обслуживания?

- В основном никаких отношений не было. Начальство с ними строило взаимоотношения.

- Кого-то из полка отправляли в штрафные части, слышали что-нибудь о штрафных эскадрильях?

- Ничего не слышал. Мне кажется, их не было. Если кто-то проштрафился, то посылали стрелком на Ил-2. У нас такой был один летчик. При эскадрилье не может быть штрафной эскадрильи.

- Дома отдыха были? В отпуск отпускали?

- Нет, только некоторых отпускали. Когда летали за самолетами, летали в Химки, или в Саратов, там брали самолеты, когда линия фронта была ближе. Кто поближе живет, тех отпускали в Москву. Но у нас из летчиков... Так у нас не было отпусков.

- Как Вы лично относились к немцам?

- Когда закончилась война, мы стояли где-то и немцев вели много. И ещё помню, когда сбили одного летуна, так его затащили в столовую и так напоили водкой, что не знаю, жив он остался или нет. Не знаю, как там наземные войска относились, а авиаторы - это, первым делом, напоить водкой. Отношение как к брату по оружию. После войны к немцам относились хорошо. И к пленным, которые проходили. Ничего с них не сдирали. Закончилась война, поехали на машине за немецкими трофеями, за мотоциклами. Кто-то автомашину немецкую нашел. Привезли, начали гонять на этих мотоциклах, но все, конечно, у нас отобрали. А так мы к пленным относились хорошо.

- А во время войны?

- И во время войны нормально. Если попадал какой-то пленный, то в первую очередь старались его напоить водкой и накормить.

- К вам в часть пленных немцев привозили?

- Только после войны, а во время войны - нет.

- Как относились к мирному немецкому населению?

- Мне не пришлось быть на немецкой территории, только на латвийской территории. Мы нормально относились, они относились к нам хуже.

- Насколько были подготовлены немецкие летчики?

- Хорошие летчики были. Если взять Кубань, то вообще были подобраны, как у нас 9-й Гвардейский полк был подобран: там одни асы были, так и у немцев на Кубани. "Удет"! Хорошие летчики были.

- С какого времени пошли послабее, как Вам кажется?

- Послабее пошли после Кубани, когда их там основательно потрепали. В 1944 году сильно большого сопротивления немецкая авиация не оказывала: уже не было такого, как в 1942-1943 годах. Кадры у них стали тоже готовить быстро, чтобы быстрее направить на фронт, и потери они несли уже намного больше. Мы же в 1943 году столько летчиков потеряли, сколько потом до конца войны не потеряли в полку. За полмесяца в 1943 году потеряли столько, сколько потеряли за два года, даже больше.

- Немецких летчиков, которые прыгали с парашютом, расстреливали? И расстреливали ли они наших летчиков?

- Как раз на Кубани был такой летчик, армянин Канданчан, которого сбили прямо над аэродромом. Он выпрыгнул с парашютом и заходит "мессер" и по нему как даст очередь! Он уже был на метров 300-400 от земли и приземлился мертвый: в него попала очередь из пулемета. За всю войну я один раз такое сам видел. А наши летчики так не делали. Может, не приходилось так близко быть к аэродрому.

- Ваш последний сбитый. Как это было и когда?

- Это было в сентябре 1944 года. При сопровождении Ил-2 завязался бой, и я сбил одного. По-моему, мы тогда сбили три или четыре самолета, а наших не потеряли ни одного.

- Война для Вас что, тяжелая работа?

- Просто работа.

- А когда закончилась?

- Думал, что же я буду делать? Во-первых, нам всем дали неделю отпуска. Неделю мы не летали. А тем более алкоголь можно было достать. Думаешь, закончится эта неделя, чем буду заниматься? А потом нормально, пошла боевая подготовка, интересные задания. Все пошло нормально. А так было, чем закончится война, что будем делать? Мы привыкли к войне, на войне совсем другой ритм жизни.

- В связи с окончанием войны в штурмовых полках, я знаю, прокатилась волна самоубийств.

- У нас такого не было.

- На войне Ваше отношение к религии изменилось? Были ли верующим?

- Нет, я верующим никогда не был. У меня отец тоже верующим большим не считался. Мать икону имела, но в церковь ходила очень редко, по-моему, почти совсем не ходила. Я своего отношения не изменил. Жена другой раз ходила в церковь. Война никак не отразилась: как были безбожниками, так и остались.

*Интервью: А. Драбкин
Лит.обработка: С. Анисимов*